

Евгений КЛЮЕВ

Ангел с Трубной
площади

Драма в двух действиях

Продолжение.

Начало см. № 44, 2004

ИННА. Именно – вдруг. (Задумчиво). У таких это именно вдруг и бывает.

ОЛЕГ. У каких?

ИННА. Вот ты говоришь – на тормозах жила – тоже точно сказал. Она вообще – образец. Пример для подражания, эдакое... наглядное пособие для неуспевающих. Мы-то с тормозов периодически соскакиваем – так, по мелочам: лекцию, там, прогулять, на физкультуру не пойти, ляпнуть чушь какую-нибудь – разрядка, в общем! А у нее не бывает разрядок: постоянно немножко – и опять впрягается. Так что если уж ей срываться – то по-крупному: на площади встать! (Думает). Тут есть что-то... логика есть.

ОЛЕГ. Хорошо, есть логика. Но все-таки – должно ведь что-то внутри сработать! Психологи это как называют? Сторожевой центр они это называют. Просто сторож. Сторож-то внутри должен быть? Вот чего я не понимаю.

ИННА. Масштаба ты не понимаешь, Олег. (Вздыхает). Масштаба.

ОЛЕГ. Как, то есть?

ИННА. Масштаб, масштаб у нее другой... Смотри: когда мы с лекции сбегали или еще хуже – с практических, у нас ведь тоже сторож должен работать: не сбегай, дурья башка, отрабатывать придется. Но ведь мы сторожа не слушаем – сбегали! Так и она своего сторожа не послушала – только в большом! Вот тут дело в чем.

АЛЛА. Да, да! У Нины может быть только площадь – никак не меньше.

ОЛЕГ. Это все так... да не совсем так... потому что сбегали мы для собственного удовольствия: если не в кино, не пошляться где-нибудь, не поспать, то просто – отдохнуть. То есть мы себе лучше делаем – хоть ненадолго. Но она-то ведь – хуже делает себе. Даже если психологию не сдавать – чего ж на площади-то мучиться? Ночью холодно, днем стыдно как-то... Детский это бунт: пусть мне хуже будет! И ради чего? Самоуважение только...

ИННА. Тоже немало.

ОЛЕГ. Ох, курицы, все-то вы понимаете! Только сами почему-то на площадь не идете – даже ради самоуважения. А еще спрашиваете, почему я говорю “теоретически”? Теоретически – потому, что я себя на ее место ставлю, а не разбираюсь, можно ли ее оправдать. Вот так, просто, по-человечески: пошла бы вы туда по собственной воле стоять? И я не пошел бы. Мне бы и мысль такая в голову не пришла. А даже если бы и пришла! Так почему же я не пошел бы, а она – пошла?

В комнату быстро входит Ольга.

ОЛЬГА. Ну, все, девки! (Замечает Олега). Извини, Олег, не видела. (Садится на стул, складывает руки на груди).

АЛЛА. Что там?

ОЛЬГА. Плевать я хотела на то, что там! Пусть стоит! Это все равно поза одна. Только, зачем перед нами-то в позу становиться? (Олегу). Эгоистка она, Нина твоя!

ОЛЕГ. Не совсем моя. Почему эгоистка?

ОЛЬГА. Потому что крутимся все вокруг нее как белки. Хочешь стоять – иди, стой, только не предупреждай никого: “Иду, мол, стоять, пока не умру”.

АЛЛА. Не говорила она так.

ОЛЬГА. Зато – так получилось. Мы, между прочим, тоже живые люди. И нам, между прочим, небезразлично, стоит она там или нет. Мы волнуемся, бегаем, упрашиваем:

ем: “Ниночка, вернись!” – а она и в ус не дует. Стоит себе как мумия... **АЛЛА.** Как статуя, то есть...

ОЛЬГА (язвительно). Спасибо! А выходит, что страдаем от этого только мы.

ИННА (задумчиво). Она тоже страдает. Не меньше, во всяком случае.

ОЛЬГА. Улыбается она, понимает? Ей это удовольствие доставляет – нас мучить. Я ей говорю: “Смотри, дождь пойдет”, а она мне: “Пусть, Оля! Иди домой, промокнешь”. Эгоистка! Мы из-за нее страдаем... вот только пятнадцать вопросов из сорока трех прочитали, а завтра как-то сдавать надо. Заставляет всех волноваться, у меня просто голова кругом идет.

АЛЛА. Господи, Ольга! Да что же ты... как же ты врешь...

ОЛЬГА. Вру?

АЛЛА. Стыдно тебе так... У тебя ведь на лице написано, что ты не волнуешься ни капельки. Зачем же ты... Ты ведь смеялась, когда узнала! Тебя это раздражает, а вовсе не волнует, так и говори: “раздражает”, а то: “нервничает”, “страдаем” – слова-то! Ни черта не страдаешь ты.

ИННА. Алла, ладно, все. Не в Ольге дело.

ОЛЬГА. Вот-вот, утешительница-примирительница наша... Не во мне дело, конечно. Дело в Нине, в ней всегда дело! Идите, встаньте рядом с ней, чтобы плащи вам тас-

кали. И ждите, не затрубит ли кто-нибудь. А с меня хватит! Мне учить надо. (Хватается за учебник, листает).

АЛЛА. Это-то тебя и волнует: все твои страдания из-за того, что выучить не успеешь и тройка своего не получишь!

ОЛЬГА. Слушай, ты заткнешься?!

ОЛЕГ. Тихо вы, с ума посходили?

ОЛЬГА. Это они с ума посходили: носят с Ниной своей – тоже мне богиня! А они – избранницы, жрицы! Я, может быть, одна понастоящему друг ей: честно сказала, в лицо: “Кончай выпендриваться!” А ты, Олег, туда же! Дулая она, Нина твоя. (Всем). Я спросила, между прочим, как вы велели – насчет того, кто и когда ее поймает. Вот, послушайте: я, говорит, совсем к математике не способна. Это, говорит, с детства у меня, со школы: всегда математика с трудом шла. А я, говорит, только ее и учила – и на матфак пошла, чтобы тупость свою перебороть, – себе наперекор пошла! А теперь, говорит, вижу, что бездарная я – и это все скоро поймут и поймают меня на этом, а я, дескать, боюсь! Вот вам, скупали? Я всегда это знала, что дулая она! Строит только умницу из себя! (Отворачивается).

Пауза.

АЛЛА. Ты сволочь, Ольга.

ОЛЬГА (усмехаясь). Господи... Ты-то уж сиди, праведница.

ОЛЕГ (с улыбкой глядя на Ольгу). А ты ведь не только не волнуешься, что она там стоит, – ты ведь рада даже. Ты счастлива будешь, если еще и дождь пойдет. Или, даже лучше, снег. Тебя, правда, раздражает немножко, что не ты, а она на площади стоит, но ты никогда бы ведь все равно не решилась. Вот ты и злишься. А с другой стороны, ты понимаешь, что Нина психологию сдавать не пойдет, и вообще... – что она себя компрометирует. Тебе же это – сплошное удовольствие. И чем ей хуже будет, тем тебе – приятнее. Плащ-то отдала хоть? Или выбросила по дороге?

АЛЛА. А пироги съела.

ИННА. Ребята, ладно, оставим...

ОЛЬГА (перебивая). Нет-нет, почему же, пусть продолжают! Очень интересно: лучше все-таки подружки! Плащ я выбросила, пироги съела – все от зависти, что она, а не я на площади!

ИННА (спокойно). Понимаешь, Ольга... Другой ты просто человек – и Ниной никогда не будешь. Даже если ты сейчас пойдешь и рядом с ней встанешь: за километр видно будет, кто стоит и почему стоит.

ОЛЬГА (кричит, со слезами в голосе). Убирайтесь, все! Уйди, Олег, я... я переодеться буду!

Уходите! (Срывает с себя кофточку, начинает расстегивать платье, едва сдерживая рыдания).

ОЛЕГ (смуценно). Пойду я. К Нине пойду. (Отвернувшись). Как туда доехать?

АЛЛА. Я с тобой, Олег.

ИННА. И я.

Уходят. Ольга рыдает.

ОЛЬГА (сядая на постели, глухо). Это они сволочи! Все, все! При Олеге, сволочи... Одна дура всех подняла, ханжа одна! Стоит там улыбается. Пуп земли! В центр бы площади вышла: там виднее! (Хватает учебник, начинает листать, бросает). Нет, не могу! Вот довели, ненавижу! (Нервно снимает платье, не слыша стука в дверь. Стук повторяется).

ГВОЗДЬ (с порога). Люди, Олег у вас? (Видя рыдающую Ольгу). Ольга, что ты? Что случилось, остановись ты, что такое, что с тобой? (Трясет ее за плечи).

ОЛЬГА (злобно, сквозь слезы). Ну, чего уставился? Видишь, голая я?

ВЕРОЧКА (входя без стука). Бигуди... (Замирает в дверях, увидев полуодетую Ольгу и Гвоздя). Извините... (Входит). Я, может быть, не вовремя?

ОЛЬГА (набрасывая халат). Почти вовремя: я как раз одеваюсь.

ГВОЗДЬ (оправдываясь). Я вошел, а она...

ВЕРОЧКА. Что... она?

ОЛЬГА. Предлагалась я ему, не видишь? Но он отказался. Может быть, согласился бы, да ты тут с бигудиями своими!

ВЕРОЧКА. Ольга, ты что?

ОЛЬГА. А ты – что? Не слышала разве, нет тут бигудей! И не будет для тебя никогда.

ВЕРОЧКА. Я уйду, я... (отворачивается, чтобы уйти).

ГВОЗДЬ. Верочка! (Бросается к ней, останавливает). Верочка, я вошел, а она тут...

ВЕРОЧКА. Разбирайтесь сами! (Порывается уйти).

ГВОЗДЬ. Она же врет, я ни при чем, я к Олегу зашел, она плакала, я хотел спросить...

ВЕРОЧКА. Олег тут не живет. Тут Ольга живет. Это все знают. Кроме тебя. Причем Ольга была не одета, а ты – вот... И всё. И я уйду (вырывается).

ГВОЗДЬ. Ольга, скажи ты ей – что-нибудь скажи, нельзя же, ей-богу... (держит Верочку за плечи).

ОЛЬГА (презрительно). Что ты суетишься, Гвоздь! Верочке говорить что-нибудь бесполезно, потому что она дура, и ее, кроме бигудей, ничего не интересует. Даже если спросить ее, который час, она ответит: “Бигуди”. Ее же все тут – Инна, Нина, Алла – идиоткой считают, овцой!

Быстро входит Алла.

АЛЛА. Извините, ребята. Мне надо вещи взять... кое-что (берет из шкафа какие-то вещи, складывает их в пакет. Видит всеобщее замешательство). Верочка... ты за бигудиями? На окне. Извини, мы вчера плохо с тобой, извини...

ВЕРОЧКА (истерично). Не надо мне бигудей ваших! Ничего мне от вас не надо!

АЛЛА. Что ты, Верочка?

ВЕРОЧКА. Я не Верочка для тебя. Я Вера для тебя, идиотка я для тебя, овца!

АЛЛА (обводя всех глазами). Что тут случилось?

ВЕРОЧКА (Алле). Зачем ты говорила про меня, что я... плохо за чем говорила про меня?

АЛЛА (растерянно). С чего ты взяла? (Смотрит на Ольгу).

ВЕРОЧКА (с последней надеждой). Говорила?

ОЛЬГА (тихо). Говорила.

АЛЛА. Оля, не нужно!...

ОЛЬГА. Почему? Ты же честная: правду-матку в глаза!... Ничего, Верочка, пять минут назад Алла меня сволочью назвала – при... при всех. А я, как видишь, жива – и вот... не шумлю. Так что побудь овцой молча.

Звук и сцена –

ВЕРОЧКА. Нет, мне просто любопытно знать: за что? (Алле). Ты ведь тоже бигудями пользуешься! Пользуешься?

АЛЛА (смотрит на всех, останавливает взгляд на Верочке). Что же вы такое, Господи? Гвоздь, милый, уйди отсюда! Глаза закрой – и беги, беги как можно дальше: изведут они тут тебя! (Быстро выходит из комнаты).

Пауза

ГВОЗДЬ. Пойдем, Верочка. **ВЕРОЧКА** (возмущенно). С тобой? Нет уж! (Выбегает из комнаты).

ГВОЗДЬ (в замешательстве). Живете вместе. Ольга, живете ведь вместе! Три года вместе живете! (Уходит).

ОЛЬГА (одна). Так. Ну и ладно. (Смотрит по сторонам, натывается на список вопросов. Читает). Вопрос шестнадцатый. Типы темперамента... Темперамента. (Тянется к учебнику, открывает оглавление). Так, темперамент. Страница триста сорок-надцать (листает учебник).

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ Сцена первая

Алла, Инна, Олег, Гвоздь в комнате общежития, где живет Олег. Гвоздь читает газету. Олег мурлычет песенку, наигрывая на одной струне. Алла и Инна стоят возле окна, смотрят на улицу.

ГВОЗДЬ (читает). Необычный дождь обрушился на северные области... и так далее. Про то, что Нина Вольская третий день стоит на площади, опять ни слова (грустно усмехается).

ОЛЕГ (в тон). И более того, никто этого не замечает.

ИННА. Она там не для того стоит, чтобы замечали.

АЛЛА. А я вот удивляюсь, как на нее до сих пор еще глазеть не приходят. Ольга, конечно, растрепала всем, и, надо думать, скоро будут приняты (усмехается) надлежащие административные меры. Во всяком случае, те, кого я знаю, уже выразили возмущение поступком Нины Вольской.

ГВОЗДЬ. Это ее личное дело.

ОЛЕГ (напевает). Нас слетит послушать Моцарт... нас слетит послушать Моцарт...

ИННА. Ольга решила, что это личное дело касается всех. Даже психолога. Кстати, она опять трояк получила, мне в сорок третьей комнате сказали. Правда, к трояку еще и благодарность психолога за информацию о Нине. Он сказал, что это "психологически непонятно".

АЛЛА. Подлая все-таки Ольга.

ИННА. А может быть, и нет... то есть не такая уж подлая. Просто задалбли мы ее – и она ва-банк пошла, а сама и не рада.

АЛЛА. Очень даже рада. Она представила это так, что все стали против Нины – всеобщее негодование и презрительный смех.

ОЛЕГ. Кто в глаза ему смеется, кто скорее отвернется. (Пауза). М-да... Сильна ваша Ольга... Гвоздь, может, ты к Нине сходишь? Нас она уже отшила.

ИННА. Ну, не отшила, положим, а просто попросила не мешать – и очень вежливо, между прочим, попросила.

ОЛЕГ. Гвоздь, сходи! Гво-оздь!

ГВОЗДЬ. Не пойду.

ОЛЕГ. Вот и тебе дела нет никакого. Вообще – никому дела нет никакого, словно это – нечто вполне нормальное – три дня стоять на площади. Интересно, к ней подходил кто-нибудь?

ГВОЗДЬ. Спросил бы.

ОЛЕГ. Не до того было... Нас слетит послушать Моцарт со своих высот...

АЛЛА (копируя психолога). Это психологически необъяснимо.

ИННА. Говорят, он невяку вкатил в ведомость. Если уговорить ее до послезавтра, она может еще сдать с тридцать второй группой. Как-то совсем глупо – последний экзамен... Мне стыдно было сегодня пять получать, так стыдно!... Словно это мне за Нину. За то, что она там стоит.

ОЛЕГ. А я так и не понял, за что мне трояк. Думал, выгонит: я психологию подростка совершенно от фонаря рассказывал (усмехается) – на личном, так сказать, опыте. И на лекциях не был.

АЛЛА. Им всем не до нас. Они только Нину заняты. Меня – так вообще не слушали. По первому вопросу только определение сказала – он мне: "Достаточно. Переходите ко второму вопросу".

ОЛЕГ. Что-то все-таки надо придумать. Пусть сдаст с тридцать второй группой. Гвоздь, может, сходишь все-таки?

ГВОЗДЬ. Не пойду.

ОЛЕГ. Ну и черт с тобой! (Шиплет стру-

ну). Так. Давайте рассуждать здраво. Человек вышел на площадь. Человек чего-то ждет. Вообще говоря, человек, скорее всего, ждет просто чего-нибудь эдакого, чуда, короче. Что-то такое должно случиться на площади, чтобы она оттуда ушла, наконец. Как максимум – пришельцы из космоса. Как минимум – кто-нибудь должен затрубить. (Пауза). Курицы, я гений! Ждите меня тут, я скоро! (Выбегает из комнаты).

Гвоздь хмыкает. Пауза.

ИННА. Я вспомнила, что, когда была маленькая, очень хотела выйти из дома совсем ночью. Самая большая проблема была – слезть с постели незаметно, потому что я с мамой спала. Меня ловили все время – прямо в постели. (Смеется).

АЛЛА. Гвоздь, а с Верочкой – что?

Гвоздь пожимает плечами.

ИННА (себе). Очень смешно: ночь посмотреть хотела – в постели ловили. Очень смешно.

ГВОЗДЬ. Грустно.

АЛЛА. А я никогда на площадь не выходила. Вообще – ни в чем. Теперь поздно, наверно... Вот экзамены сданы все, можно домой ехать, на все площади выходить можно. Да не выйти – даже на одну. Это после экзаменов-то! А до – и подавно! Мне вся статья домой ехать, варенье вишневое есть – в этом мое предназначение.

ИННА. А то пошли, постоим с Ниной?

АЛЛА. Господи, Инна! Тебе тоже только варенье есть! Зачем мы там с тобой нужны...

ИННА. Ну, не скажи!

АЛЛА (обнимая Инну). Инночка, девочка моя, мы с тобой из тех, кого в детстве уже на постели поймали. Поэтому мы до сих пор пространства – площадей! – боимся. (Пауза). У меня в городе одна только площадь раньше была. Когда туда шли, говорили: "Идем в город".

ИННА. А это старая площадь – Трубная. Она небольшая. Потом... если сбоку стоять, то все-таки (смеется) – не так страшно. Интересно, ей было страшно?

АЛЛА. Было, наверно.

ГВОЗДЬ. Не было.

ИННА (смеется). Ты-то откуда знаешь, Гвоздь? Ты и вообще-то вчера только узнал, что она на площади стоит!

Гвоздь молчит.

АЛЛА. Гвоздь, хочешь, я тебя с Верочкой помирю?

ГВОЗДЬ. Не хочу.

АЛЛА. Ну, все разладилось! (Думает). На будущий год нового человека в комнату искать надо. С Ольгой нельзя жить больше.

ИННА. Может быть, и двух.

АЛЛА. Как?

ИННА. Ну, если с Ниной что-нибудь...

АЛЛА. Инна, ты – что?

ИННА. Ну, в космос человек улетит, к марсианам. Может она, понимаешь? И в космос, и куда угодно. Махнет рукой: "Пока, девочки!" – только ее и видели. Я все детство мечтала, чтобы у меня такая подруга была, да вот... Так и нет до сих пор.

АЛЛА. А Нина?

ИННА. Нина? Земная я, понимаешь? Просто случай нас с ней свел – под одной крышей, на минуточку. Разве я ей подруга или ты? (Пауза). И вообще – не делаем мы как-то все между собой подругами: только живем вместе. И ничегошеньки друг о друге не знаем. Нину вот – последовательной отличницей считали, а она вдруг... не разглядели.

ГВОЗДЬ. У нее ребенок умер.

АЛЛА. Что, Гвоздь? Что ты говоришь? Гвоздь! Откуда ты знаешь?

ГВОЗДЬ. Знаю.

АЛЛА. И давно это – умер?

ГВОЗДЬ. Пять лет назад. (Долго молчит).

АЛЛА. Ну, говори же!

ГВОЗДЬ. Нельзя больше говорить. Я потому это сказал – ну, что сказал, – что это все равно все знают. Кроме вас, которые живут с ней. Она на могилу каждый год ездит, под Воронежем где-то.

Пауза.

В комнату быстро входит Олег, который ведет за собой долгового молодого человека в очках.

ОЛЕГ. Это Федя, знакомьтесь.

АЛЛА (грустно). Очень приятно. Федю мы видим впервые в жизни.

ФЕДЯ. Привет, ладно вам!

АЛЛА. Олег, ты ненормальный какой-то: третий год с Федей учимся.

ОЛЕГ. Это не просто Федя, которого мы знаем. У Феде есть флейта.

АЛЛА (машинально острит). Федя, откуда у тебя флейта? Положи флейту на место.

ФЕДЯ. Да ладно тебе.

ОЛЕГ. Он флейту купил – за очень дорого. **ИННА.** Зачем тебе флейта, Федя?

ФЕДЯ. Играть на ней.

ИННА. Разве ты умеешь?

ФЕДЯ. Уметь пока не очень умею. Но буду уметь.

ОЛЕГ. Понимаете, у Феде всегда, всегда была мечта – иметь флейту. И вот он заработал деньги и купил флейту. И учится играть. **ИННА.** А мы не слышали.

ФЕДЯ. Я тихо учусь – и... не здесь. Я ухожу куда-нибудь – и учусь.

ОЛЕГ. А позавчера Федя завалил психологию. Поэтому он очень грустный.

АЛЛА. Эх, Федя! Олег и то сдал!

ОЛЕГ. Что значит – "и то"?

АЛЛА. Ничего не значит. (Пауза). Олег, а зачем нам это – флейта?

ОЛЕГ. Ох, курица ты! Нине нужно, чтобы кто-нибудь затрубил на Трубной площади. Пусть Федя сыграет на флейте: это тоже духовой инструмент.

ФЕДЯ. Только я мало пока умею. Мне стыдно – на площади...

АЛЛА. Но что-нибудь ты умеешь уже?

ФЕДЯ. Я "Чижик-пыжик" умею.

АЛЛА. М-да... На "Чижике" далеко не уедешь.

ФЕДЯ. Я неделю назад купил только.

АЛЛА. И за целую неделю – один "Чижик-пыжик"?

ОЛЕГ. Курица, это много! Попробовала бы сама – знаешь, как губы болят? Я пробовал.

ФЕДЯ. У меня не болят. Я с детства тренировался.

ИННА. На чем?

ФЕДЯ. Ни на чем – просто, губы так складывал (показывает), как будто играю на флейте, – дул что было сил. Теперь мне нетрудно: привык уже.

АЛЛА. Сколько же ты тренировался?

ФЕДЯ. Всю жизнь.

Пауза.

ИННА. Федя... чайку хочешь, Федя?

ФЕДЯ. Да нет, я только что пил.

ИННА. Как же теперь психология-то?

ФЕДЯ. Не знаю. У меня, кроме нее, еще два хвоста. Сирин меня незлюбил за то, что спал на лекциях. И еще по Колчиной...

ИННА. Ой, Федя, милый, это много!

ФЕДЯ. Много, конечно. Ну, и уеду я домой, в Колобково. Мне мать пишет, в клубе баянист нужен.

АЛЛА. Ты на баяне умеешь разве?

ФЕДЯ. А как же? Я тут только не говорил. Зачем?

АЛЛА. На баяне, значит, умеешь – и еще на флейте хочешь?

ФЕДЯ. У нас в клубе баян был. Вот и научился. Еще пианино и мандолина были – на них я тоже умею. Флейты только не было, жалко.

ИННА. А тебе флейту хотелось.

ФЕДЯ. Инструмент очень красивый. Музыка прекрасная у него. Я первый раз услышал – мне лет семь было. Тогда решил: обязательно научусь!

ОЛЕГ. У Феде слух абсолютный: он знает, на какой ноте трамвай звенит.

ИННА. Что ж ты на математику пошел, глупый? В консерваторию тебе надо было, э-эх!

ФЕДЯ. Кто ж меня туда возьмет? Когда я нотной грамоты не знаю – со слуха только: как слышу – так и играю.

ГВОЗДЬ (зло). Эх, жизнь, жизнь!

Пауза.

АЛЛА. А флейта с тобой? (Федя отрицательно качает головой). Принеси, Федь!

ФЕДЯ. Так далеко же! Она в камере хранения на Ленинградском вокзале лежит. В автоматической. Потому что, боюсь, тут пропадет: жалко.

ИННА. Где ж ты играешь?

ФЕДЯ. Когда где... Во дворе каком-нибудь. А то на электричку сел, это перед психологией – и в лес. Там играл.

Пауза.

ИННА. Ну, Нина! Счастливая!

АЛЛА. Счастливая?

ИННА. Что-то она знает такое... Что-то такое очень важное знает. Вот – Федя, он пока не умеет на флейте – в лесу играет. А научится – так и на площади может заиграть, можешь, Федя?

ФЕДЯ. Чего же? Могу. Научиться только.

ИННА. Вот видите! Может! Что это значит?

АЛЛА. А что это значит?

ИННА. Очень много значит! Это значит,

что Нине есть ради чего стоять на площади... то есть не безнадежно это! Есть кто-то, кто мог бы затрубить: вот Федя, к примеру, есть. Хорошо это очень.

ОЛЕГ. Так ведь я и предлагаю...

ИННА. Погоди. Олег, погоди! Это важно – то, что я сейчас поняла. Вот во что Нина верит.

ОЛЕГ. Во что?

ИННА. Курица ты! В Федею верит! Ну, не так, чтобы прямо в Федею... в человека верит, вообще в человека, понимаете?

ГВОЗДЬ. Трубная площадь – она потому так называется, что раньше там трубили.

ОЛЕГ. Людей, наверное... народ созывали.

АЛЛА. Так ясно на сердце стало. Почему?

ИННА. Федя пришел. Федя, ты хороший.

ФЕДЯ. Да ладно тебе...

ИННА. Ты очень хороший, Федя. А мы с Аллой... и вообще мы все – э-эх! – как говорит Нина. Три года с Федей учились – и не заметили в нем флейту. Самого главного не заметили. Что у него хвосты сплошные и ноги долговые – это заметили, а флейту – нет. В Феде флейты не разглядели, в Нине – площади Трубной. Как же это мы живем-то, милые вы мои? Куда смотрим? Гвоздь, в тебе есть флейта?

ГВОЗДЬ. В каждом что-то есть... в ком флейта, в ком бигуды.

ИННА. Лучше, когда флейта... Я не хочу в Ригу. Не хочу. (Поворачивается к Феде). Федя возьми меня с собой в Колобково, а? Ты бы играл на флейте, а я бы слушала тебя по вечерам. А утром и днем я бы коров доила, я умею. Возьмешь?

ФЕДЯ (серьезно). Возьму. Поедем. Только тебе доучиться надо. Способная ты.

ИННА (мечтательно). Я доучусь. Мы будем жить в Колобкове – и мне дадут вести арифметику у маленьких. Я стану умная-умная, все книги прочитаю! И рожу кучу детей – пять или даже шесть детей, и мы научим их всех играть на флейте. Будет оркестр.

ОЛЕГ. Там Нина на Трубной стоит третий день. Не спавшая, немая, нечесаная... Она там стоит и улыбается, но ей, наверное, плохо. И вот я придумал: пусть Федя спрячется где-нибудь в укромном месте, чтобы Нине не видно было, и сыграет своего "Чижика". А мы молчать об этом будем до гробовой доски. И пусть Нина думает, что некто с флейтой пришел ей на помощь. А? Красиво: ночью флейта! И все-таки – духовой инструмент! Тогда послезавтра Нина сдаст с тридцать второй группой психологию.

АЛЛА. Олег, я бы расцеловала тебя! Можно? Федь, ты сыграешь "Чижика"?

ФЕДЯ. А чего не сыграть? Сыграю. Только вот на вокзал съездить надо, флейту взять.

АЛЛА. Сейчас и поезжай. Сколько тебе надо – часа два? Вернешься сюда – уже (смотрит на часы) десять будет. С часик переждем – и на Трубную. Все поедом. Хорошо будет. Представляете себе: ночь – и тихонечко – из подъезда какого-нибудь – "Чижик"! Даже хорошо, что "Чижик": он детский такой, трогательный... (Поет).

Чижик-пыжик, где ты был?

На Фонтанке водку пил.

Выпил рюмку – выпил две:

Зашумело в голове!

У меня это папа когда-то играл... На грешке. (Пауза). Хотя... если на площади всей оравой – это заметно будет.

ОЛЕГ. Не надо всем идти.

АЛЛА. Хочется очень. Во-первых, флейта ночью, а, во-вторых, лицо ее посмотреть хочется.

ОЛЕГ. Лица видно не будет.

АЛЛА. Ну, все-таки... Возьми хоть меня, Олег: у меня папа "Чижика" играл, на грешке. Я с тех пор "Чижика"-то и не слышала.

Олег задумчиво на одной струне играет "Чижика".
Все молчат.

АЛЛА. Глупый ты, Олег. Не в этом дело. Мне ведь еще интересно, как вообще все будет.

ГВОЗДЬ. Глупо будет.

ОЛЕГ. Прозаический Гвоздь сказал свое слово.

ГВОЗДЬ. Я вот сейчас пойду и предупреджу Нину обо всем этом.

Пауза.

Рисунок Ирины УВАРОВОЙ

Окончание в следующем номере